

П 809.2 К
1918 - 5

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>В. Полянский.</i>	Год пролетарской диктатуры.
<i>Ф. Калинин.</i>	Идеология производства.
<i>А. Богданов.</i>	Пролетарский университет.
<i>В. Керженцев.</i>	Организация литературного творчества.
<i>В. Кунавин.</i>	Первая Всерос. Конф. пр. к.-пр. организаций.
—	Резолюции конференции.
<i>Хроника.</i>	В провинции.
<i>Библиография.</i>	„Горя“. „Из дневника детского сада“. В буре и пламени“. „Венчальные ризы“. „Горнило“. „Грядущая Культура“.

№ 5.

Ноябрь 1918 г.

Пролетарский Университет.

Первая Всероссийская Конференция Рабочих Культурно-Просветительных организаций поставила перед пролетариатом задачу „социализации науки“. Это означает переработку современной науки по форме и содержанию с коллективно-трудоу точки зрения и передачу ее в таком преобразованном виде рабочим массам.

Конференция указала и основные организационные средства к достижению этой грандиозной цели. Они таковы:

„1) Создание Рабочего Университета — целостной системы Культурно-Просветительных учреждений, построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся и последовательно ведущей пролетария к совершенному обладанию научными методами и высшими достижениями науки.

„2) На основе деятельности Рабочего Университета—выработка Рабочей Энциклопедии, стройного, доведенного до наибольшей простоты и ясности изложения методов и достижений науки с пролетарской точки зрения“.

Здесь слово „Университет“ употреблено не в обычном современном его значении, а в его первоначальном, гораздо более широком смысле: вся совокупность образовательных и научных учреждений разных ступеней, в их общей связи, в единстве их цели.

Очевидно, что такая система должна иметь свой центр, и этим центром должно быть высшее научное и учебное учреждение. По аналогии со старыми,

буржуазными университетами, его тоже можно назвать „Университетом“, в узком смысле слова. О таком „Пролетарском Университете“ говорит другое постановление Всероссийской Конференции Пролеткульта. Оно намечает задачи этого Университета, основы его организации, общий программный план. А в настоящее время начались работы Организационной Комиссии по устройству П. У. в Москве.

Кроме того, в Москве уже организовалось учреждение общероссийского масштаба, имеющее самую тесную связь с идеей Прол. У-та; это именно Социалистическая Академия.

Собрать и осветить тот организационный опыт, из которого исходят эти проекты и попытки, стало насущной задачей, от выполнения которой в значительной мере будет зависеть успех всего дела. Попытаемся сделать для нее то, что возможно в пределах материала, доступного автору, и в рамках журнальной статьи.

I.

Восемь лет тому назад, предлагая и обосновывая в легальной брошюре лозунги Пролетарского Университета и Рабочей Энциклопедии, я рассказывал, как сама жизнь привела меня к ним. Много приходилось не договаривать по цензурным условиям: даже заглавие брошюры понадобилось извратить, — вместо „Культурные задачи пролетариата“ написать „Культурные задачи нашего времени“. Теперь повторю повествование, раскрывая скобки.

Около середины 90-х годов прошлого века в г. Туле молодой рабочий, Иван Иванович Савельев, организовал кружки на оружейном и патронном заводе. Это был выдающийся, быть-может, гениальный организатор, который, к несчастью, сгорел, не успев развернуться, через 5—6 лет, — одна из прекрасных сил, загубленных проклятым прошлым. Он долго и безуспешно искал в этом, тогда весьма глухом провинциальном центре интеллигентов для пропаганды, пока не нашел меня, стоявшего на распутьи между народофильством и марксизмом. Затем к нам присоединились В. Базаров и И. Степанов.

Пропаганда велась большую часть года в близлежащих лесах, зимою в рабочих каморках. Группа держалась необычно долго — 4—4½ года; мы имели возможность проводить в кружках довольно обширные курсы, главным образом, конечно, политической экономии. Мы приступали к делу с очень небольшим научным багажом и во многом неясными представлениями даже о научном социализме. Наша неопытность была так велика, что я, напр., пытался привести своих слушателей к изложению „Капитала“ через „Экономические беседы“ Карышева и „Курс политической экономии“ Иванюкова, — книги, не имеющие ничего общего с марксизмом и потому, разумеется, совершенно непригодные для нашей цели. Это и было весьма скоро мне выяснено нашими слушателями.

Те десятки юношей рабочих, которые проходили через наши кружки, в общем, далеко не были еще теми избранными по умственной активности и испытанными в жизни людьми, которые должны составить основу первых слушательских кадров Пролетарского Университета: в подпольных условиях, при отсутствии реальной политической работы, они набирались сравнительно случайно, по личным связям и по внешним признакам интеллигентности. Тем не менее они отнюдь не были просто пассивным материалом для педагогического воздействия; и простая добросовестность требовала бы от нас признания, что их роль в системе нашей пропаганды была в значительной мере направляющей и регулирующей.

Их вопросы и комментарии к тому, что мы вместе читали, скоро убедили меня, что выбранные „пособия“ не соответствуют их требованиям, и особенно — самому складу их мышления. Объяснительное чтение быстро превратилось в скучное предисловие, за которым следовали живые беседы, уходившие очень далеко от затронутых чтением сюжетов. В этих беседах стихийно и хаотично выступали определенные тенденции, само собою намечалось определенное направление для ищущей мысли молодого лектора: соединять, как звенья сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими

из них формами духовной культуры. Пришлось поневоле перейти к составлению собственного курса лекций, в котором материал комбинировался в такой именно связи: получался „Краткий курс экономической науки“, потом легально изданный, после варварских цензурных операций.

А затем запросы слушателей шли дальше и дальше и захватывали сложнейшие темы естествознания и философии; лекторы принуждены были сами учиться многому, о чем раньше им казалось достаточным иметь беглые, поверхностные сведения.

Было совершенно невозможно за короткое время передать слушателям фактический материал во всех областях, которые вызвали их живой интерес. Это заставляло лекторов иначе ставить и самую задачу, употреблять главные усилия на то, чтобы научить слушателей учиться, указать им пути и средства к самостоятельной работе. Приходилось сосредоточивать внимание на методах тех наук, о которых надо было давать понятие. При этом оказывалось, что слушателей наших занимает и привлекает всего более не специализированный характер различных методов, а, напротив, их взаимная связь, то, что в них находится общего и сходного. Мы наталкивались на какое-то прирожденное стремление к монизму, от нас требовали—не всегда с успехом, разумеется,—монистических ответов на всевозможные, проклятые и не проклятые вопросы. В эту сторону должна была направляться деятельность и нашей собственной мысли; для меня лично это в сильнейшей степени предопределило характер всей последующей, научной и философской работы.

А между тем в данном случае слушатели-рабочие могли дать нам, своим руководителям, лишь неопределенное, так сказать, стихийное руководство, которое вытекало просто из их социальной природы, навязывалось складом их мышления, отчетливо даже неоформленным, но коренившимся глубоко в условиях коллективно-трудовой их жизни.

Эта, быть-может, самая длительная и систематичная из пропагандистских попыток того времени заронила в нас впервые идею Рабочего Университета. Для нас попытка эта была и осталась не только его наивным прообразом,—она явилась также началом нашего собственного воспитания в пролетарском духе, первым курсом нашей „Рабочего Университета“.

II.

За пропагандистской работой последовала агитационная. Потом настало время широкой политической борьбы. Пришла первая волна Русской Революции, 1905—6 годы.

Дни свобод позволили развернуть агитацию и пропаганду в несравнимых с прежним размерах. Но ни в составлявшихся программах пропаганды, ни в самой ее практике не выступала сколько-нибудь заметно идея Рабочего Университета, как и сама идея пролетарской культуры вообще оставалась в зародыше. Политика господствовала всецело, и характер работы был почти исключительно демократический; о социализме упоминалось лишь как об отдаленной цели, чтобы немедленно перейти опять к политике дня, к демократическим лозунгам.

Это было вполне естественно, это неизбежно вытекало из обстановки. Уровень развития нашего рабочего класса был таков, что ему еще не хватало и собственно демократического воспитания; а судьба его усилий и всей революции зависела от того, поддержит ли его остальная демократия, т. е. именно крестьянство; пролетариату надо было во что бы то ни стало связаться с крестьянством, что было возможно лишь на обще-демократической почве.

Поэтому, хотя мы, представители старой пропаганды, постоянно указывали тогда же на необходимость расширения задачи в смысле социалистического воспитания пролетариата, и московские большевики, в частности, усиленно настаивали на этом,—но даже литературу соответственного типа нам удалось издать только в самом ограниченном масштабе.

Когда первая волна революции разбилась об инертность крестьянских масс и армии, когда пролетариат был оттеснен с политической арены, а интеллигенция в огромном большинстве отшатнулась от социал-демократии, тогда настало время серьезнее и глубже подумать об этом вопросе.

Жизнь как нельзя нагляднее показала, что рабочий класс должен полагаться только на себя, что в дальнейшем ему предстоит всецело самому вести свое дело. К этому надо было усиленно и спешно готовиться.

III.

Партийная рабочая школа 1909 года на острове Капри была устроена по инициативе группы так наз. „левых большевиков“, впоследствии „впередовцев“. Самую активную роль в ее организации сыграл рабочий-философ Никифор Вилонов, вместе с М. Горьким, Луначарским, М. Покровским и др. Русским организациям было предложено послать в эту школу специально выбранных товарищей. Организация распалась, переправа через границу была очень трудна; набралось всего четырнадцать слушателей. И так как не все посланные их организации ясно понимали смысл и значение дела, то даже эти немногие не все соответствовали тому уровню сознательности и активности, какой требовался для участников пролетарской высшей школы; но большинство все же стояло на уровне задачи.

Это обнаружилось уже тогда, когда впервые собравшийся Совет школы, — в него входили на равных правах все лектора и слушатели, — стал устанавливать программу и распределение курсов. „Ученики“ знали, чего они хотели от школы, и внесли со своей стороны в программу ряд изменений, из которых большая часть оказалась затем полезными и целесообразными. Курс получился крайне концентрированный: целый ряд важных и трудных предметов был втиснут в период 4½ месяцев. Эта концентрированность препятствовала, до некоторой степени, тому широкому и свободному общению лекторов и слушателей, какое должно будет установиться в настоящем, а не зародышевом Пролетарском Университете. Этим, очевидно, суживалась и руководящая роль коллектива слушателей в самом ведении занятий. Однако, и здесь на деле выяснилось, что они отнюдь не склонны оставаться в рамках пассивной и легкой роли „обучаемых“: люди, уже раньше умевшие много учиться и думать, в общем довольно образованные, несмотря на различные пробелы в познаниях и недостаток их систематичности, они критически воспринимали все, что им предлагалось, и подвергали серьезному обсуждению как содержание, так и форму лекций. Университетские профессора обычного типа, важные чиновники капиталистического государства, вряд ли примирились бы с такими отношениями. Лектора школы были почти все люди немолодые, с выработанными взглядами, обладавшие каждый в своей отрасли некоторой известностью; однако, они вынесли не мало полезных указаний из дебатов со слушателями. — В этих условиях становится невозможной та, довольно обычная для старых университетов, картина, что один и тот же курс повторяется стереотипно, без улучшений, без переработки, одному выпуску за другим.

Программа школы относилась почти исключительно к области общественных наук и социальной философии; естествознание было едва затронуто несколькими, так сказать, сверхштатными лекциями. Эту односторонность и лектора, и слушатели признавали существенным недостатком работы: и те, и другие представляли себе программу Пролетарского Университета охватывающей все основные отрасли науки. Но ограниченность времени и лекторских сил не позволяла поставить дело в таком масштабе.

IV.

В работе школы росла и крепла идея Пролетарского Университета. Вместе с тем и в слушателях, и в лекторах укоренялось все глубже сознание того, что она — лишь часть, лишь один из выводов идеи еще более широкого,

всеобъемлющего захвата: идеи Пролетарской Культуры. Это внушалось всем характером научной работы школы, как и бытовой ее организацией.

Но рядом было и нечто иное. Жизнь вообще не идиллия; а в ту эпоху глухой реакции она была ею меньше всего. Элементы распада и разложения, шедших в организациях партии, были с самого начала занесены в школу и в свою очередь развивались. Вначале они были скрыты и незаметны, а к концу школы вырвались в виде дезорганизующей фракционной борьбы. Большинство слушателей осталось верно идее школы; меньшинство отпало под лозунгом протеста против самого *духа* школы. Естественно, что это была не наиболее ценная часть, а именно те, которые попали в школу по недоразумению, неподготовленными к ее трудной работе, под руководством одного довольно развитого и искреннего человека, но ожесточенного фракционера, и одного впоследствии расстрелянного провокатора. Борьба отравила последние дни существования школы, но не помешала довести дело до конца. Волею того — она дала толчок к более ясному осознанию и более решительной формулировке новых принципов, — дух прошлого дал наглядную иллюстрацию тех болезней и слабостей нашей работы, с которыми надо было бороться.

В платформе, выработанной коллективом слушателей и лекторов и вскоре напечатанной под фирмой группы „Вперед“, культурно-революционные задачи намечались следующим образом: „... Социалистическое сознание рабочего класса должно охватывать не одну его непосредственную борьбу в области политики и экономики, но всю его жизнь. Пролетариат и его союзники — социалистическая интеллигенция, — вышли из старого, мещанско-крестьянского и буржуазного мира; в нем они сначала воспитывались; поэтому, сами того не замечая, они сохраняют многое из его привычек и склонностей, из его духовного склада, и даже вносят в революционную работу. Например, ни для кого не тайна, сколько вреда пролетариату, да и всему революционному движению, приносит индивидуализм очень многих деятелей, их личное честолюбие, стремление выдвинуться, отвращение к товарищеской дисциплине, нетерпимость к товарищеской критике. Борьба взглядов, благодаря этому, часто осложняется, а потом и заслоняется борьбою самолюбий, силы организации тратятся на бесплодные внутренние столкновения. Не меньше вреда приносит и широко распространенная среди партийных работников привычка слепо доверять известным авторитетам, полагаться на мнения тех или иных признанных вождей, не взвешивая, отвергать всякие сомнения в их правоте“...

Далее выяснялось, что борьба против этих явлений от случая к случаю отнюдь не решает дела, пока остаются их общие, основные причины; из них должна исходить, против них направляться действительная постановка задачи:

„Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении, в то время как классовая борьба и социалистический идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторически создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпнуть могущественные орудия для борьбы с тем же старым миром. Принимать же ее так, как она есть, значило бы сохранять в себе и то прошлое, против которого ведется борьба. — Выход один: пользуясь прежней буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской революционной среде, выработать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. Только на этом пути может быть достигнуто целостное социалистическое воспитание, которое устранил бесчисленные противоречия нашей жизни и работы и во много раз увеличит наши силы в борьбе, а в то же время приблизит к социалистическому идеалу, вырабатывая все больше его элементов в настоящем“.

Если бы это одно осталось от нашей первой рабочей школы, и тогда можно было бы сказать, что усилия, потраченные на нее, не пропали даром.

Но не пропала даром и выработка нового типа высшей пропаганды, нового типа организации школы, наша работа над ее программами: все это находило потом и находит особенно в настоящее время свое применение. И даже из столь малого числа слушателей школы мне удалось теперь, спустя девять лет, встретить пять человек, выполняющих ответственную революционно-организаторскую работу: для наших русских условий этого времени поразительный процент сохранившихся и действующих.

V.

За первой школой через год последовала вторая, в г. Болонье. Слушателей было опять немного, человек восемнадцать; и из них, благодаря продолжавшемуся распаду организаций в России, представителей оттуда было только около половины; остальные были рабочие-эмигранты, собиравшиеся ехать обратно на революционную работу. Но уровень развития и активности был не ниже, чем в первой школе, и отсталых даже меньше. Лекторских сил нашлось больше: кроме левых большевиков первой школы, согласились принять участие некоторые особенно чуткие к запросам жизни из числа видных меньшевиков: тов. Троцкий, Коллонтай, Павлович-Волонтер, также П. Маслов. А приглашали мы, как и в первую школу, представителей всех фракций.

Характер программы в общем не изменился: это была опять школа социальных наук. Но выработка курсов, разумеется, была совершеннее, так как опиралась на опыт первой школы. Времени для работы имелось на месяц больше, и удалось значительно усилить практические занятия. В числе их были, напр., такие, что слушателями, без участия лекторов, был составлен и выполнен примерный номер журнала; он был вполне удачен и по построению, и по идейной выдержанности, и в чисто литературном отношении. Были также общие дискуссии по спорным научным вопросам. По вопросу о теории земельной ренты докладчиками явились два лектора, стоявшие на разных точках зрения; в их критике слушатели участвовали самым активным образом.

Организация занятий и метод преподавания сложились и оформились там уже настолько, что для Пролетарского Университета полученные результаты могли бы служить подходящим исходным пунктом.

Но это было еще за шесть лет до новой революционной волны, которая впервые создала объективные условия для организации такого Университета.

VI.

Революция, вышедшая из мировой войны, поставила у нас культурную задачу рабочего класса в полном ее масштабе. Жизнь предъявила ему гигантские требования, сначала в смысле спешной самоорганизации, потом в смысле вынужденного руководства всей государственной и хозяйственной жизнью страны в состоянии величайшей разрухи и обнищания. Культурная отсталость мучительно чувствовалась во всех попытках разрешения этих задач; а в то же время было ясно, что механическое усвоение организационных форм и методов старой культуры недостаточно для действительного решения, ибо как раз эти формы, эти методы и привели к небывалому краху. Идея самостоятельной пролетарской культуры приобрела характер ультиматума, поставленного историей нашему рабочему классу.

Вопрос о Пролетарском Университете являлся одним из неизбежных и важнейших выводов отсюда. Тем не менее первый год революции не успел поставить его на очередь. Культурная работа исходила из конкретных потребностей, выдвигавшихся в ходе революции, а потому шла от частных задач к общим; и в просветительном деле работа у нас началась с массы практических курсов, а также курсов общеобразовательных, в смысле гражданской и вообще социальной грамотности, как различные „солдатские университеты“, „районные курсы“, и т. п. Но требования жизни расширялись и становились все радикальнее: ни узко-практические краткосрочные курсы, ни школы социальной

грамоты не могли дать опоры для самостоятельного социального строительства. Выступил вопрос о высшем пролетарском образовании.

К нему подходили с двух различных сторон, намечали два разных пути для его решения. Одни предполагали просто использовать аппарат старых государственных, т.-е. буржуазных, университетов, приспособив его для этой цели при помощи некоторых реформ и дав свободный доступ к нему всем желающим товарищам. Другие — и мы в том числе — находили это решение частью недостаточным, частью даже ошибочным, и воскресили лозунг Рабочего Университета.

Первые рассуждали очень просто. Если старые университеты могли приготовить достаточно организаторских сил для хозяйства буржуазии, то, служа рабоче-крестьянскому государству, они приготовят их, сколько требуется, и для него. Прежняя организаторская интеллигенция в большинстве не желает служить ему, — надо заставить университеты создать новую интеллигенцию, пролетарскую; надо, следовательно, ввести в них кадры студентов-рабочих. Препятствие в том, что у рабочих не хватает предварительных знаний и предварительного усвоения методов, — уменья пользоваться литературой, лабораториями и т. п. Все это следует им дать путем ряда подготовительных курсов; если и устраивать „рабочие университеты“, то для этой же цели и с таким же захватом. Конечно, старые гимназии за 7—8 лет весьма плохо выполняли эту задачу, и до сих пор студентам приходилось начинать все с того же усвоения методов работы; наши, целесообразно устроенные, курсы выполняют ее гораздо лучше за первый же год работы. А тогда аудитории университетов наполнятся рабочими-студентами; и через каких-нибудь 2—3 года, — ибо эти студенты будут учиться не так, как прежние, — рабоче-крестьянское государство получит многочисленную и надежную рабочую интеллигенцию.

Сторонники этого плана исходят из той мысли, что университетская наука и есть наука вообще, т.-е. внеклассовая. Мы же думаем, что это — наука буржуазная и, следовательно, обуржуазивающая; только люди, обладающие глубокой пролетарски-классовой сознательностью, способны противостоять этому влиянию, а не те, кто получил лишь спешную подготовку в общей технике научной работы. Опыт показал, что старая наука и сама по себе, даже при вполне самостоятельном ее изучении, нередко из энергичных, выдающихся рабочих, которые вопреки всем препятствиям ей отдавались, вырабатывала буржуазных интеллигентов. Тем сильнее это действие в обстановке и атмосфере веками сложившейся университетской организации, буржуазно-классовой по происхождению, при руководстве старых ученых, в этом же духе ею воспитанных. Чтобы использовать науку этих университетов, пролетарию надо *уже* стоять выше нее по своему миропониманию, быть подготовленным к ее *критическому*, а не просто ученическому восприятию. Следовательно, и для этой цели Пролетарский Университет необходим, — не как замена гимназии, а как школа целостного мировоззрения и глубокого овладения научными методами.

Но рабоче-крестьянское правительство реформирует старые университеты... Может быть, эта реформа, идя дальше и дальше, как раз и превратит их в то, что для пролетариата требуется? Возлагать на это надежду было бы крайне ошибочно.

Дело в том, что перестраивать организации, созданные работой веков и вполне оформленные, вообще несравненно труднее, чем строить вновь. Только при одном условии такая перестройка может идти быстро и успешно: когда она делается *по готовой модели*. Но вырабатывать эту модель в самих же старых университетах, т.-е., очевидно, в неизбежном сотрудничестве с представителями буржуазной науки, значило бы извратить решение задачи в самом его зародыше. Ясно, что такая модель должна вырабатываться вполне самостоятельно, в пролетарски-классовой идейной обстановке.

VII.

Весною 1918 года была сделана попытка организации Пролетарского Университета в Москве. Она кончилась полной неудачей. При ее ликвидации причины были вполне выяснены.

Первая и, быть-может, сама по себе уже достаточная заключалась в том, что дело не из коллектива исходило и не коллективно велось с самого начала. Это была инициатива небольшого кружка лиц, проявивших, несомненно, значительную энергию, но не обладавших соответственным опытом. Планы и программы, выработанные спешно, оказались неудачными; лекторский состав, набранный на основе недостаточных связей, частью неподходящим к задаче. Участие слушателей в руководстве делами университета было вначале ничтожным, а потом оно было усилено,—но зародыши крушения успели развиться.

Другая причина, тоже очень важная: состав слушателей в большинстве получился не-пролетарский. Аудитории заполнила с самого начала, главным образом, трудовая интеллигенция Советских учреждений. Было бы вредно и нелепо закрывать ей доступ в Пролетарский Университет; но ее решительное преобладание, определяя общий дух учреждения, стояло в противоречии с самой его идеей. Преподавание должно было, конечно, приспособляться к большинству слушателей; ясно, что на этом пути настоящий Пролетарский Университет не мог развиться и в дальнейшем.

Были страшно неблагоприятны и внешние условия: безумно-напряженная атмосфера непрерывного политического кризиса, архи-голодный паек, при котором у советских работников и рабочих не оставалось уже сил для научного труда, уход на фронт самой активной молодежи...

При таких обстоятельствах успеха быть не могло; и неудача ни в малейшей степени не затрагивает самую идею учреждения. Просто была сделана неумелая попытка среди целого ряда других таких же попыток нашего бурного времени. Теперь она ликвидирована, и за дело взялись по самой природе своей призванные к нему организации.

VIII.

Как должен быть организован Пролетарский Университет?

Первая задача, это—создать подходящий состав слушателей: пролетарский в своем большинстве, соответствующий по уровню идее университета. По этому поводу резолюция Всероссийской Конференции Пролеткульта говорит:

„9. Доступ в Пролетарские Университеты должен быть свободен в первую очередь для рабочих, лишь с необходимой в интересах самих слушателей товарищеской проверкой знаний.

„10. Все пролетарские общественные учреждения, фабричные заведения, торгово-промышленные, профессиональные, кооперативные, должны предоставить своим рабочим и служащим возможность посещения университетских курсов“.

Преимущество для рабочих не есть какая-либо обида трудовой интеллигенции. Университет *должен* быть пролетарским,—тогда и она, работая в нем, получит от него всего больше, ибо тогда в нем всего совершеннее выразится новое миропонимание.

Провести на деле это преимущество удастся только путем системы стипендий, намеченной в общих чертах последним пунктом резолюции. „Предоставить возможность посещения Университета в массе случаев будет, разумеется, возможно только путем стипендий и иногда частичного, иногда, может быть, и полного освобождения от обязательной работы“.

Однако построить все дело только на этой основе невозможно. Потребовались бы огромные затраты средств; а главное, недостаток сил в общественных делах чувствуется слишком остро. Из-за этого и самые занятия на первые годы придется организовать так, чтобы особенно энергичный или одаренный человек мог совмещать их с общественной службой; следовательно, в вечернее время, 3—4 часа в течение пяти дней недели, с семинариями и другими дополнительными занятиями в остальные два дня.

В резолюции Пролеткульта обращает на себя внимание та особенность, что допускается при приеме „товарищеская проверка знаний“. В государственных университетах всякие предварительные экзамены отменены. Значит ли это, что Пролеткульт занял более отсталую позицию? Мне кажется, что нет. Пролетарский Университет должен быть также школой товарищеских отношений и товарищеской дисциплины; отсюда логически вытекает возможность и желательность такой проверки. А в старых университетах ее установить нельзя, так как по самому их духу, по их типу организации, *товарищеской* проверки не получилось бы, а все свелось бы к обыкновенному, научно-бюрократическому экзамену.

Какой же уровень надо будет принять за основу для приема? Считаюсь с условиями жизни рабочих, господствовавшими до сих пор, тут надо заранее отбросить всякий формализм, всякий шаблон. Приблизительная норма, на которой сходятся почти все сведущие люди, такова: общее образование не ниже высшего начального училища имевшихся типов или самообразование в аналогичном масштабе; при чем допускаются и пробелы, если они уравниваются более широкими знаниями в социальных или естественных науках.

Зато здесь надо ввести требование, о котором не могло быть и речи в старых университетах: проявленной гражданской активности, которая свидетельствовала бы о том, что дело идет о социально-взрослом человеке, а не о ребенке, подростке или любознательном обывателе. Доказательством должна служить или общественная должность, или рекомендация со стороны политических, культурных, экономических организаций.

С той же точки зрения, нежелателен и слишком юный возраст,—не ниже, напр., 18 лет. Конечно, в случаях особо раннего развития возможны исключения.

На таких основах удастся сформировать кадры слушателей, действительно соответствующие задаче.—Что же касается преподавателей, то та же резолюция говорит о „необходимости привлечения лучших теоретических сил нашего революционного социализма“ для создания первого руководящего кадра (п. 3). А относительно дальнейшего намечается:

„7. Для подготовки кадров научных преподавателей должна послужить существующая в Москве Социалистическая Академия, и необходимо организовать такую же в Петербурге. Они должны рабочим, уже имеющим некоторый научный опыт, дать соответствующую теоретическую и практическую подготовку. В них же должны продолжать свою научную работу те слушатели Пролетарского Университета, которые по его окончании посвятят себя специально работе в той или иной области науки“.

Выполнение этой задачи уже началось: в составе Социалистической Академии уже теперь имеются товарищи рабочие, не только среди слушателей ее курсов, но и среди членов-соревнователей.

IX.

Резолюция Всероссийского Пролеткульта намечает и общий программный план университета. План этот включает три цикла:

„а) *подготовительный*—должен оформить и систематизировать знания, уже имеющиеся у слушателей, а также дополнить их всеми знаниями, необходимыми для усвоения цикла основного;

„б) *основной*—должен широко и прочно, в строго научной постановке, заложить основы социалистического миропонимания, превращая слушателя в образованного социалиста, владеющего основными методами разных областей науки;

„с) *специализированный*—делится, согласно строению общественного процесса, на факультеты: технический, экономический и культурный; на каждом из них специально, в углубленной научной постановке, изучается соответственная группа предметов,—но не изолированно от других групп, а в необходимой связи с ними, с общими кафедрами таких основных предметов, как политическая экономия“.

Почему необходим подготовительный курс, это вполне ясно. Даже наиболее развитые из вступающих в Университет рабочих, благодаря недостатку формального образования, в большинстве своем будут иметь пробелы знания, у одного одни, у другого другие, рядом с большой, зачастую, глубиной знания в иных областях; отсюда неизбежная разнородность состава, отсутствие одного общего, доступного отчетливому определению, уровня, из которого коллективная работа могла бы исходить. Кроме того, не хватает обычно навыков и опытности в самых приемах научной работы. И, наконец, благодаря усвоению „при случае“, „между делом“, в зависимости от того, когда позволяет жизнь, у всех почти хромает систематизация. Эти недочеты должны быть устранены, надлежащее выравнивание и оформление научного материала у слушателей должно быть достигнуто на подготовительной ступени.

Отсюда сам собою вытекает характер программы для этого первого курса: ряд *введений* по технике научной работы вообще и по разным научным отраслям.

На первом плане здесь надо поставить усвоение практических методов овладения наукою, в индивидуальной и коллективной работе: то, что относится к уменью планомерно пользоваться всякого рода литературою, к уменью излагать мысли устно и письменно, к уменью логично спорить и обсуждать, а также вести собрания. Это будут, главным образом, практические занятия с небольшим количеством вводящих лекций. В выборе тем эти практические занятия должны быть как можно ближе связаны с параллельно ведущимися курсами других предметов, натуралистических и социологических, но не просто сливаться с ними: там и при практических занятиях центр тяжести лежит в содержании усвояемого, здесь в формально-технической стороне дела.

Вторая группа — математические и естественные науки. Из математики надо взять низшую, но не начальную, конечно, ее часть, выбирая материал наиболее важный со стороны метода и в смысле связи с жизненной практикой: действия с дробями; способы приближенного вычисления; решение уравнений, применение логарифмов; элементарные приемы определения расстояний, площадей, объемов и т. п.

Из естественных наук — введение в физику и химию; введение в космографию, геологию и общую географию; введение в общую биологию; введение в физиологию и психо-физиологию.

Тут приходится иметь в виду, что ограниченность времени не позволит дать большого фактического материала. Поэтому надо выбирать самое важное, и общие положения выяснять на немногих, но наиболее ярких и глубоко вводящих иллюстрациях, — напр., для занятий по физике выбирать эксперименты, имеющие *принципиальное* научное или практическое значение. Непосредственной задачей должна быть глубина понимания, а не полнота знания. С этой точки зрения несколько умело выбранных, наглядно и точно проведенных и строго проанализированных опытов дадут больше, чем сотни страниц учебников или десятки лекций.

В этот курс, между прочим, непременно должно войти ознакомление с принципами устройства всех основных типов машин современной техники: двигателей водяных, паровых поршневых, турбинных, взрывных, динамо и электрических моторов, телеграфа, телефона, аэроплана, фонографа, кинематографа и т. п. Ознакомление, конечно, не технически-детальное, но и не поверхностное, а „научно-организационное“.

Третья группа — науки общественные: введение в политическую экономию, во всеобщую и русскую историю, в основы научного социализма; обзор истории рабочего движения и форм рабочей организации; элементарное учение о формах общественности, особенно о праве и государстве. Построение курсов здесь должно быть историческим повсюду, и там, где старая наука его не умеет и не хочет применять, как в изучении экономики, права, государства. Непрерывность исторического ряда позволяет воспринимать связь явлений нагляднее, делает ее жизненно-понятнее, облегчает сознанию переход от одних

форм к другим, вообще дает экономию в затрате энергии на изучение. Вместе с тем мышление работника воспитывается в последовательном и неуклонном применении нашего метода — историко-материалистического.

И здесь, опять-таки, развертывание исторического ряда не должно гнаться за полнотой всех переходов и оттенков. Внимание должно быть сосредоточено на отдельных, наиболее характерных моментах или эпизодах, иллюстрирующих жизненные тенденции главных фаз развития человечества. Нередко отрывок подлинного документа эпохи глубже и яснее характеризует для слушателей дух ее отношений и смысл ее борьбы, чем самое длинное описание и повествование. А восстановить непрерывность переходов между углубленно понятыми, хотя и эпизодически обрисованными фазами, это — дело усвоенного метода и собственной психической работы изучающего.

X.

Программой подготовительного курса уровень слушателей курса основного намечается, конечно, не в смысле старого экзаменного шаблона. Рабочий, обладающий известными навыками в научной работе, знаниями, хотя неравномерными, но в некоторых важных областях достаточно серьезными, и сформировавшимся социалистическим мировоззрением, может работать на основном курсе, заполняя оставшиеся крупные пробелы дополнительными занятиями по соответственным предметам подготовительного. На первых порах это будет даже неизбежно преобладающая комбинация: в крупных центрах надо открывать, по возможности, первый и второй курс одновременно; это важно особенно вначале, когда опыта еще слишком мало, и когда самая постановка дела на подготовительном курсе может выиграть очень много, если будет освещаться одновременной работой курса основного, к которому он должен готовить.

Программа основного курса естественно распадается на две группы предметов — натуралистическую (считая здесь же математику) и социальную. Преобладающее место здесь, очевидно, должны занять науки социальные, примерно в отношении двух третей рабочих часов к одной трети, или трех пятых к двум пятым. Но строго научная постановка дела равно обязательна и здесь, и там.

По математике, в пределах нескольких десятков часов, которые будут ей отведены, необходимо — и, полагаем, вполне возможно — дать основные методы так назыв. „высшей математики“: дифференциального и интегрального исчисления, аналитической геометрии, теории рядов. Тут надо использовать все новейшие упрощения и улучшения приемов преподавания: с одной стороны, самое тесное его сближение с запросами и требованиями трудовой техники; образцом могут пока служить лекции Джона Перри для рабочих механиков, где он, напр., вводит их в сущность аналитической геометрии путем применения графической (координатной) бумаги для обычных задач их работы; с другой стороны, такая же тесная связь с техникой естествознания, в духе, напр., „Приложения математики к естественным наукам“ Пернста и Шёнфлиса. В Пролетарском Университете должны выработаться свои методы изложения и освещения математических наук; но пока этого нет, надо исходить из того лучшего, что уже создано демократизацией знания.

Программа естествознания, в свою очередь, здесь должна концентрироваться на основных методах и на высших обобщениях, при постоянном сохранении связи того и другого с практикой жизни. С этой точки зрения сами собой намечаются следующие главные задачи:

1. *Методология естественных наук*: наблюдение, эксперимент, роль рабочей гипотезы; связь с техникой и отношение к техническим наукам; основные инструменты исследования (часы, телескоп, микроскоп, угомеры, фотография, измерители силы и работы, самопишущие и регистрирующие приборы).

2. *Основные теории эволюционные* — космологические, геологические, биологические.

3. *Основные теории общие или абстрактные:* энергетика; теория воли; атомная и электронная теория; теория строения материи.

4. *Основные методы и выводы биологического учения о рабочей силе, т. е. физиологии, общей патологии и психо-физиологии, в связи с гигиеной.*

Эта последняя группа образует как бы естественный переход к наукам социальным.

При умелой постановке, связанной с хорошо выбранными демонстрациями на опыте, и правильно организованными практическими занятиями, такую программу, мы полагаем, возможно выполнить достаточно серьезно за те 150—180 часов, которые ей будут уделены из годичного курса.

Программа наук общественных, при всей своей обширности, представляет наименьшие затруднения, потому что в этой области у нас опыта больше всего. Она логически намечается строением общественного процесса, который надо изучать, и социалистической целью этого изучения. Группировка наук приблизительно такая:

1. *История социальной техники* (в общей связи с историей математических и естественных наук).

Из нее в особый курс следует выделить, как наиболее для нас важный момент — *машинное производство.*

2. *Исторический курс политической экономии.*

Из него особо выделить три важных момента:

а) *Новейший капитализм, и в связи с ним — милитаризм, мировую войну, новые экономические формы, во время ее возникшие;*

б) *Аграрная эволюция.*

с) *Общая теория налогов и финансов.*

3. *История общественных мировоззрений.*

Специально должны быть выделены:

а) *История экономических воззрений.*

б) *Обзор философских систем* (как идеализированных схем господствующих мировоззрений).

с) *Общая история литературы и искусства.*

4. *История права и государства.*

5. *История социализма и социальных движений.*

Здесь выделить особо:

а) *Формы рабочих организаций.*

б) *Социалистический идеал.*

6. *Исторический материализм и общая система научного мироотношения — курс резюмирующий.*

Как ни обширна, кажется, эта программа, но при хорошей постановке, при опытных руководителях, для ее серьезного прохождения, мы полагаем, должно хватить 350—400 часов.

Здесь много взаимно соприкасающихся предметов, и очень важно организовать дело так, чтобы наиболее близкие по материалу переплетались во времени, подкрепляя друг друга, напр., история техники с историей экономики, история экономических воззрений с историей социализма и т. п. Это надо, разумеется, делать и во всех других группах предметов.

По широте захвата и сумме содержания программа основного курса далеко превосходит программы какого бы то ни было курса старых университетов. Но она и рассчитана не на беззаботных юношей из обеспеченных классов, а на людей труда и идеи.

XI.

Третий курс — уже специализированный: для образованного социалиста, каким явится человек, прошедший через работу курса основного, специализация не опасна, не может оказать на него действия, суживающего кругозор и иссушающего душу. Кроме того, эта специализация, согласно плану Пролеткульта, совершенно иная, чем в старых университетах, — не по отвлеченному

принципу классификации наук, взятых сами по себе, вне отношения к жизни, как математические, естественные, филологические и т. п., — а на основе строения общественного процесса в его целом; при этом группы предметов каждого факультета оказываются гораздо шире. И кроме того, связь факультетов поддерживается курсами некоторых общих наук, — в резолюции названа политическая экономия.

Какова должна быть программа этих факультетов? Намечать ее подробно я не решился бы, да это и несколько преждевременно, — вначале, наверное, будет возможно открывать только первые два курса, для третьего не найдется достаточных кадров. Но тип такой программы я попытаюсь обрисовать, как он мне представляется, на примере одного факультета — технического; при этом буду исходить из близко подходящего сюда плана „техничко-экономического отдела“ Социалистической Академии, в работе над организацией которого мне пришлось недавно принимать участие. Схема такая:

1. *История техники и технических наук* (разумеется, „в углубленной научной постановке“ по сравнению с тем же предметом на основном курсе).

И здесь также должен быть выделен особый курс — *машинное производство* в его технике и экономике.

2. *История математики и естественных наук.*

3. *Энциклопедия математики и счетоводства.*

„Энциклопедия“ понимается здесь в таком смысле, который охватывает, с одной стороны, методологию данной группы предметов, с другой — изложение достигнутых в этой области результатов и выводов.

4. *Энциклопедия естественных наук.* Здесь отделы:

а) *Измерительные приборы и физические методы исследования.*

б) *Химические методы исследования.*

5. *Энциклопедия технологии.* Отделы:

а) *Использование материалов недр земли.*

б) *Использование материалов, находящихся на земной поверхности, и особая выделенная*

с) *Сельско-хозяйственная техника.*

6. *Учение о рабочей силе* (физиология, общая патология, психо-физиология, курс, главным образом, методологический).

В особый предмет должно быть выделено:

Новейшие методы изучения и использования рабочей силы (тейлоризм и т. п.).

7. *Организация отдельного предприятия* (техническая и экономическая) — предмет, общий с экономическим факультетом.

8. *Политическая экономия* (специально — методология и критика экономических учений) — курс, общий для всех факультетов.

9. *Всегообщая организационная наука* — курс, общий для всех факультетов.

Что касается программы экономического факультета, то в ней, очевидно, естествознание, напр., будет представлено гораздо слабее, социально-исторические науки, напротив, сильнее, и т. п.

Третьим курсом заканчивается „учебная“ часть университета. Тот, кто идет дальше, вступает в область научно-академической работы, которая также должна быть организована коллективно.

XII.

Кроме курсов, входящих в основной план университета, при нем необходимо организовать ряд дополнительных занятий разного характера и значения. Так, у некоторых из поступающих на подготовительный курс окажется недостаток даже в начальных сведениях по арифметике, у других — неумение сколько-нибудь сносно писать; инородцам понадобятся занятия по русскому языку. Многие пожелают изучать новые языки, которых, однако, в основной план работы вводить не приходится. Многим, из-за их общественных функций, еще на первом курсе понадобится знакомство с основами статистики, и т. д.

Для таких дополнительных и вспомогательных занятий время должно быть отведено особо. Если ежедневные вечерние занятия будут продолжаться в общем 3 часа времени, то это составит 4 часа „академических“, считая по 40 минут на лекцию и от 5 до 10 на перерыв; всякие бесполезные растраты времени тут необходимо устранить. Тогда на работу по программному плану можно отвести первые три академических часа, на дополнительные и вспомогательные — четвертый, а также некоторые часы в незанятые два дня недели, оставленные частью для отдыха и общественных дел, частью для специальных семинариев, экскурсий и пр.

В дальнейшем при университете следует сконцентрировать те многочисленные и разнообразные практические курсы, которые теперь устраиваются при разных учреждениях и организациях: по профессиональному движению, по кооперации, партийно-агитаторские, разные инструкторские, и т. п. Это позволит слушателям университета пользоваться при случае лекциями таких курсов, и обратно, — хорошо отразится на научности их постановки и даст немалое сбережение лекторских сил, а главное — расширит и усилит общение Университета с провинцией, посылающей на краткосрочные курсы своих делегатов.

Однако, рядом с этим потребуются и своего рода „рассеяние“ Университета. В резолюции Всеросс. Пролеткульта говорится, что такие Университеты должны быть организованы во всех крупных промышленных центрах России, начиная с Москвы и Петербурга. Но в таких огромных центрах, как столицы, чтобы приблизить Университет к рабочему населению, придется, по крайней мере, подготовительный курс устроить параллельно в главных пролетарских районах. Там он, в свою очередь, может послужить центром для объединения разных районных курсов и клубов.

* * *

Трудности пути, а еще больше — требования жизни неизбежно будут отвлекать многих из Университета до завершения цикла его работы. Но это не должно нас смущать: ведь и тогда то, что сделано, не пропадет даром. Самая программа такова, что с каждым курсом будет давать все же нечто цельное и определенное. Товарищ, серьезно выполнивший курс подготовительный, может явиться достаточно сознательным агитатором, или полезным неотчетливым работником какого-нибудь учреждения. Прохождение курса основного даст уже знающего пропагандиста и ответственного работника неспециалиста. С курса специализированного будут выходить и ответственные работники-специалисты, а при случае — лектора, хотя не высших курсов.

Для дальнейшей, специально-научной работы, согласно плану Всероссийского Пролеткульта, должна служить Социалистическая Академия. Что она такое?

Она не есть нечто по существу отличающееся от Пролетарского Университета. Это — в силу обстоятельств успевшая раньше сложиться определенная его часть, его ученый коллектив. Временно, она и вообще отчасти его заменяет в своей просветительной работе, — но только отчасти, и не в главном. Между нею и зарождающимся Университетом необходима тесная связь, которая в свое время завершится их полным организационным слиянием.

Одной из важнейших задач Университета и Академии явится выработка планов и программ тех низших курсов, которые человека массы подводили бы к самому Университету. Этим путем он из высшей пролетарской школы развернется в Рабочий Университет в широком смысле слова, — в целостную систему учреждений, дающих глубокое и полное социалистическое воспитание пролетариату.

А. Богданов.